

ИНФОРМАЦИОННЫЕ КОММУНИКАЦИИ В ДИАЛОГЕ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА: ОПЫТ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ УЗБЕКИСТАНА

Шерзодхон Кудратходжа,^{ID}

Университет журналистики и массовых коммуникаций Узбекистана

Аннотация: Статья посвящена анализу роли информационных коммуникаций в формировании диалога между обществом и государством в условиях цифровой трансформации Республики Узбекистан. Исследуется процесс становления системы электронного правительства, развития медиа-инфраструктуры и институционализации механизмов обратной связи в период 2017-2023 годов. Эмпирической основой выступают нормативно-правовые акты, статистические данные о развитии электронного правительства, результаты контент-анализа государственных порталов и вторичный анализ социологических исследований. Показано, что внедрение систем электронного взаимодействия (G2C, G2B, G2G), развитие Единого портала интерактивных государственных услуг и платформы открытых данных трансформируют модель коммуникации "государство – общество" в направлении большей открытости, прозрачности и участия граждан. Выявлены структурные ограничения: цифровое неравенство между столицей и регионами, недостаточная медиаграмотность населения, институциональная слабость отдельных сегментов гражданского общества. Сделан вывод о том, что эффективность диалога "общество – государство" зависит от синхронного развития правовой базы, ИКТ-инфраструктуры и культуры политической коммуникации.

Ключевые слова: информационные коммуникации, электронное правительство, гражданское общество, политическая коммуникация, цифровизация, Узбекистан, публичная сфера, открытые данные

1. Введение

Современный этап развития политических систем характеризуется радикальной трансформацией механизмов взаимодействия государства и общества под влиянием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ). Цифровизация государственного управления, развитие электронного правительства и расширение медиа-инфраструктуры создают новые форматы гражданского участия, общественного контроля и политической коммуникации (Fountain, 2001; West, 2005).

В условиях перехода от индустриального к информационному обществу коммуникационные процессы приобретают системообразующее значение для консолидации гражданского общества и легитимации политической власти (Bell, 1973; Webster, 2014). Как отмечает М. Кастельс, в сетевом обществе власть концентрируется не столько в институциональных структурах, сколько в способности контролировать и генерировать информационные потоки (Castells, 2009). Это определяет актуальность исследования информационных коммуникаций как ключевого ресурса демократизации управления.

Узбекистан представляет особый интерес для анализа

DOI:

<https://doi.org/10.62499/>

[ijmcc.vi12.268](https://doi.org/10.62499/ijmcc.vi12.268)

Цитировать:

Кудратходжа, Шерзодхон. 2026. ИНФОРМАЦИОННЫЕ КОММУНИКАЦИИ В ДИАЛОГЕ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА: ОПЫТ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ УЗБЕКИСТАНА.

Международный научный журнал медиа и коммуникаций в Центральной Азии. 12: 45-61

трансформации моделей государственно-общественной коммуникации. С 2017 г. Республика осуществляет масштабную программу реформ, включающую либерализацию медиасферы, цифровизацию государственных услуг, развитие электронного правительства и механизмов обратной связи (Мирзиёев, 2017; Указ, 2017). По оценкам международных экспертов, Узбекистан демонстрирует один из самых высоких темпов цифровой трансформации среди стран Центральной Азии (World Bank, 2022).

Теоретической рамкой исследования выступают концепции гражданского общества и публичной сферы Ю. Хабермаса (2016), структурно-функциональная теория политической системы Г. Алмонда и С. Вербы (1963), кибернетическая модель политической коммуникации К. Дойча (1963), теория социальных систем Н. Лумана (1995) и концепция сетевого общества М. Кастельса (2009). В национальном контексте важное значение имеют работы узбекистанских исследователей по проблемам информационного общества, гражданских коммуникаций и политической модернизации (Жўраев, 2007; Киргизбаев, 2007; Ҳимоя, 2024).

2. Материалы и методы

С теоретической точки зрения исследование опирается на междисциплинарный подход, интегрирующий методологию политологии, социологии коммуникаций и теории информационного общества (Machlup, 1962; Masuda, 1981).

Концепция публичной сферы Ю. Хабермаса предоставляет нормативную модель демократической коммуникации, где легитимность политических решений формируется через рациональное обсуждение в пространстве между государством и частной сферой (2016). Критически переосмысливая хабермасианскую модель, мы учитываем специфику постсоветских транзитных обществ, где публичная сфера находится в процессе институционализации (Sparks, 2008).

Структурно-функциональный подход Г. Алмонда и С. Вербы позволяет анализировать информационные коммуникации как функциональный компонент политической системы, обеспечивающий артикуляцию интересов, агрегацию требований и политическую социализацию (1963). Концепция "гражданской культуры" релевантна для понимания условий эффективности коммуникационных механизмов.

Кибернетическая модель К. Дойча рассматривает политическую систему как самонастраивающийся механизм, функционирование которого зависит от качества информационных потоков и каналов обратной связи (1963). Эта модель продуктивна для анализа электронного правительства

как системы циркуляции информации между управляющей и управляемой подсистемами.

Теория социальных систем Н. Лумана концептуализирует коммуникацию как базовую операцию, воспроизводящую социальные системы [16]. Общество понимается как коммуникативная система, а его дифференциация связана с образованием автономных подсистем (политика, экономика, медиа) со специфическими кодами коммуникации (2004).

Концепция сетевого общества М. Кастельса описывает трансформацию властных отношений в условиях развития информационных технологий (Castells, 2009). В сетевой логике власть определяется способностью управлять информационными потоками и коммуникационными сетями (2007).

Эмпирические основания исследования, в свою очередь, составляют:

1. Нормативно-правовые документы:

— Конституция Республики Узбекистан, в редакции 2023 г. (2023);

— Стратегия действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017-2021 гг. (Указ, 2017);

— Стратегия развития Нового Узбекистана на 2022-2026 гг. (Указ, 2022);

— Стратегия "Цифровой Узбекистан – 2030" (Указ, 2020-1);

— Указы и постановления о развитии электронного правительства (2012, 2013, 2017, 2020, 2022 годы) (Указ, 2012; Указ-2020-2; Постановление, 2022);

— Законы "Об информатизации", "Об электронном правительстве", "О персональных данных", "Об открытых данных" (Закон, 2003; Закон, 2021).

2. Статистические данные:

— Индекс развития электронного правительства ООН (EGDI) за 2018-2023 гг. (United, 2023);

— Национальная статистика по цифровизации государственных услуг (Агентство, 2023);

— Данные Агентства по печати и информации о развитии медиасферы (2023);

— Статистика портала my.gov.uz и системы OneID (Единый, 2023);

— Данные платформы открытых данных data.gov.uz (Платформа, 2023).

3. Контент-анализ:

— Официальные сайты государственных органов (N=120);

— Портал интерактивных государственных услуг my.gov.

uz;

— Медиа материалы о реформах электронного правительства (N=382);

— Документы общественных обсуждений проектов нормативных актов (Портал, 2023);

4. Вторичные данные социологических исследований:

— Опросы об использовании электронных услуг (2020-2023) (Институт, 2023);

— Исследования медиапотребления и медиаграмотности населения (Internews, 2023);

— Онлайн-опрос 2023 года о доверии к государственным институтам (N=1066) (ПРООН, 2023).

С точки зрения периодизации исследование охватывает промежуток 2017-2023 гг., который представляет собой качественно новый этап развития государственно-общественных коммуникаций в Узбекистане. Условно выделяются следующие три фазы.

Фаза I (2017-2019): Либерализация медиасферы и создание правовых основ цифровизации. Принятие Стратегии действий, начало реформ государственного управления, отмена предварительной цензуры (Указ, 2017).

Фаза II (2020-2021): Ускоренная цифровизация в условиях пандемии COVID-19. Принятие концепции электронного правительства, запуск портала mu.gov.uz, внедрение системы OneID (Указ, 2020-2; Постановление, 2020).

Фаза III (2022-2023): Системная трансформация и институционализация электронных коммуникаций. Принятие Стратегии "Цифровой Узбекистан – 2030", расширение платформы открытых данных, интеграция ведомственных систем (Указ, 2020-1; Постановление, 2023)

3. Результаты

Формирование правовой базы информационных коммуникаций в Узбекистане началось задолго до 2017 г., однако системный характер приобрело именно в период реформ. Ключевым документом стала Стратегия действий по пяти основным направлениям развития на 2017-2021 гг., определившая совершенствование системы государственного и общественного строительства как приоритет (Указ, 2017).

3.1. Нормативно-институциональная архитектура электронных коммуникаций

Правовую основу электронного правительства с учетом описанного выше приоритета составляют:

— Закон "Об информатизации" (2003, редакция 2019 г.)
— определяет принципы государственной политики в сфере ИКТ (Закон, 2003);

— Указ Президента "О мерах по коренному совершенствованию системы государственного управления в информационной сфере" (2020) — создал Агентство информации и массовых коммуникаций (Указ, 2020-2);

— Постановление "О мерах по дальнейшему развитию национальной информационно-коммуникационной системы"
— утвердило Дорожную карту цифровизации на 2022-2023 годы (2022);

— Концепция развития системы "Электронное правительство" на 2021-2025 гг. (Постановление, 2020);

— Стратегия "Цифровой Узбекистан – 2030" (2020) – долгосрочная стратегия цифровой трансформации (Указ, 2020-1).

При этом институциональная структура включает динамику развития электронного правительства, в ходе которой Узбекистан демонстрирует устойчивый прогресс в международных рейтингах электронного правительства. Согласно индексу развития электронного правительства ООН (E-Government Development Index, EGDI) (табл. 1).

Таблица 1: Динамика позиций Узбекистана в рейтинге EGDI ООН

Год	Место (из 193)	Индекс EGDI	Изменение
2018	81	0.6207	–
2020	87	0.6946	-6 мест
2022	69	0.7277	+18 мест
2023	63	0.7645	+6 мест

Источник: собственные изыскания автора

Подъем с 87-го на 63-е место за три года (2020-2023) означает вхождение в десятку стран мира с наибольшим прогрессом в развитии электронного правительства (United, 2023). Компонентный анализ индекса показывает:

— Онлайн-сервисы (Online Service Index): рост с 0.6271 (2020) до 0.8056 (2023) – улучшение на 28,5%;

— Телекоммуникационная инфраструктура (ТИ): рост с 0.4837 (2020) до 0.5721 (2023) – улучшение на 18,3%;

— Человеческий капитал (НСИ): стабильность на уровне 0.7854-0.7926.

Наиболее значительный прогресс достигнут в онлайн-сервисах, что отражает приоритет государственной политики на цифровизацию государственных услуг (United, 2022).

3.2. Трансформация моделей государственно-общественной коммуникации

Внедрение электронного правительства качественно изменило модель взаимодействия "государство — общество", трансформировав её из преимущественно вертикальной и односторонней в многоканальную с элементами горизонтальности и обратной связи (Dunleavy, Margetts, Bastow, & Tinkler, 2006).

Модель G2C (Government-to-Citizen) — государство для граждан:

Традиционная модель взаимодействия предполагала физическое присутствие гражданина в государственных учреждениях, многократное обращение в различные инстанции, бумажный документооборот (Osborne & Gaebler, 1992). Электронное правительство радикально изменило эту модель:

- Дистанционное получение справок, свидетельств, лицензий без посещения госорганов;
- Отслеживание статуса обращений в реальном времени;
- Электронные очереди и предварительная запись на прием;
- Мобильные приложения государственных услуг;
- Личный кабинет гражданина с доступом к персональным данным.

По данным мониторинга, удовлетворенность граждан качеством государственных услуг возросла с 52% (2017) до 73% (2023) (Институт, 2023).

Модель G2B (Government-to-Business) — государство для бизнеса:

Цифровизация снизила транзакционные издержки бизнеса при взаимодействии с государством. В рейтинге Doing Business (до его отмены в 2021) Узбекистан поднялся с 87-го (2017) на 69-е место (2020), во многом благодаря цифровизации административных процедур (World Bank, 2020).

Модель G2G (Government-to-Government) — межведомственное взаимодействие:

Интеграция информационных систем государственных органов устранила дублирование функций и запросов:

- Принцип "единого окна" — гражданин обращается один раз, система сама запрашивает данные у других ведомств;
- Межведомственный электронный документооборот;
- Единые реестры (населения, недвижимости, транспорта, предприятий)
- Унификация стандартов данных и форматов обмена.

По оценкам Всемирного банка, межведомственная инте-

грация сокращает административную нагрузку на граждан на 35-40% (World Bank, 2023).

3.3. Механизмы обратной связи и гражданского участия

Информационные коммуникации создали новые каналы обратной связи между обществом и государством, усиливая подотчетность власти. Портал my.gov.uz включает функционал подачи обращений, жалоб и предложений с гарантированным сроком рассмотрения. В 2023 г. обработано 83,8 тыс. электронных обращений граждан, из которых 19,5 тыс. касались нарушений прав и свобод (Управление, 2024). Система контролирует сроки ответов и публикует статистику рассмотрения. С 2017 г. все проекты законов и подзаконных актов размещаются на портале regulation.gov.uz для публичного обсуждения (Портал, 2023). Внедрены механизмы выявления общественного мнения по локальным вопросам управления. Государственные органы анализируют обсуждения в социальных сетях для выявления проблемных зон. Создан Национальный центр мониторинга социальных медиа при Агентстве по печати и информации (Агентство, 2022). Платформа data.gov.uz предоставляет информацию о бюджетных расходах, государственных закупках, результатах проверок, что создает основу для гражданского контроля (Платформа, 2023). Независимые исследователи и НПО используют открытые данные для анализа государственной политики.

Одновременно с развитием электронного правительства происходила трансформация медиасферы. Количество зарегистрированных медиа возросло с 1416 (2017) до 2140 (2023), доля негосударственных медиа увеличилась с 41% до 64% (Агентство, 2023).

Контент-анализ публикаций показывает изменение характера освещения деятельности власти (табл. 2).

Таблица 2: Структура медиаконтента о государственном управлении

Тип публикаций	2017 (%)	2023 (%)
Протокольные сообщения	58	31
Аналитические материалы	18	29
Критические публикации	12	34
Расследования	3	11
Интерактивные форматы	9	25

Источник: собственные изыскания автора

Рост критических публикаций и журналистских расследований свидетельствует о расширении пространства публичной критики и формировании медиа как канала общественного контроля (Freedom House, 2023).

4. Обсуждение

Полученные результаты подтверждают тезис о конституирующей роли коммуникаций в становлении гражданского общества. В соответствии с концепцией Ю. Хабермаса, легитимность политической власти в демократических обществах формируется через дискурс в публичной сфере — пространстве рационального обсуждения общественно значимых вопросов (Хабермас, 2016). Информационные коммуникации создают техническую и институциональную основу такой публичной сферы.

Н. Луман рассматривал общество как коммуникативную систему, где структурная дифференциация осуществляется через специализацию коммуникативных кодов (Luhmann, 1995). Развитие электронного правительства можно интерпретировать как создание специализированного кода политико-административной коммуникации, обеспечивающего связность между функциональными подсистемами (власть, экономика, медиа, гражданское общество).

М. Кастельс показал, что в сетевом обществе власть определяется не столько институциональными позициями, сколько способностью программировать коммуникационные сети и контролировать узлы переключения между сетями (Castells, 2009; Castells, 2007). Электронное правительство изменяет топологию властных отношений, создавая множественные каналы коммуникации и распределяя информационные ресурсы.

4.1. Узбекистанский контекст

В узбекистанском контексте наблюдается парадокс: с одной стороны, государство выступает главным актором цифровизации, создающим коммуникационную инфраструктуру; с другой стороны, эта инфраструктура создает условия для автономизации гражданского общества и усиления горизонтальных коммуникаций (Киргизбаев, 2007).

Несмотря на впечатляющие достижения в цифровизации, сохраняется значительное цифровое неравенство, ограничивающее инклюзивность электронного диалога (Van Dijk, 2005).

Охват широкополосным интернетом составляет 94% в Ташкенте, но лишь 52% в отдаленных сельских районах (Министерство, 2023). Волоконно-оптическая инфраструктура покрывает 72% территории, однако в Каракалпакстане и горных районах Сурхандарьинской области покрытие не превышает 35% (Узбектелеком, 2023).

По данным исследований, активными пользователями электронных государственных услуг являются преимуще-

ственно городские жители 25-45 лет с высшим образованием (Институт, 2023). Люди старше 60 лет составляют лишь 8% пользователей my.gov.uz, несмотря на то что эта группа особенно нуждается в государственных услугах (Институт, 2023).

Стоимость интернет-доступа и цифровых устройств остается барьером для малообеспеченных слоев. В семьях с доходом ниже прожиточного минимума лишь 31% имеют компьютер или планшет (Государственный, 2023).

Цифровое неравенство воспроизводит и усиливает социальное неравенство, создавая риск исключения уязвимых групп из процесса электронной коммуникации с государством (Warschauer, 2003). Это требует специальных мер по обеспечению универсального доступа к ИКТ и цифровой грамотности.

4.2. Медиаграмотность и качество общественного дискурса

Эффективность информационных коммуникаций зависит не только от технической инфраструктуры, но и от медиа- и информационной грамотности граждан – способности критически оценивать информацию, верифицировать источники, распознавать манипуляции (UNESCO, 2021).

Социологические опросы выявляют дефицит критического мышления в медиапотреблении. По данным исследования 2023 г., 68% респондентов получают новости преимущественно через Telegram, при этом 52% признают, что иногда распространяют информацию, не проверив её достоверность (Internews-1, 2023). Лишь 27% систематически используют несколько источников для верификации новостей (Internews-2, 2023).

Низкая медиаграмотность создает уязвимость к дезинформации, информационным манипуляциям и поляризации общественного мнения (Lewandowsky, Ecker & Cook, 2017). Это снижает качество публичного дискурса и затрудняет формирование рационального консенсуса по общественно значимым вопросам.

Необходимо системное медиаобразование, интегрированное в учебные программы всех уровней и программы непрерывного образования (Федоров, 2007). Международный опыт показывает, что страны с высоким уровнем медиаграмотности (Финляндия, Нидерланды, Канада) демонстрируют большую устойчивость к дезинформации и более конструктивный общественный диалог (Kurpiainen, Sintonen & Suoranta, 2008).

4.3. Институциональные вызовы и перспективы

Развитие электронного правительства ставит вопрос об ин-

ституциональной адаптации традиционных структур гражданского общества. НПО, профсоюзы, профессиональные ассоциации, махалли пока в недостаточной степени используют потенциал цифровых коммуникаций (Химоя, 2024).

Важным направлением является развитие института общественного контроля на основе открытых данных. Международный опыт показывает эффективность гражданского мониторинга бюджетных расходов, государственных закупок, качества государственных услуг с использованием технологий анализа больших данных (Yu & Robinson, 2012).

5. Заключение

Проведенное исследование позволяет утверждать, что информационные коммуникации в современном Узбекистане выступают ключевым механизмом трансформации диалога "общество — государство", создавая новые форматы гражданского участия, общественного контроля и политической коммуникации.

5.1. Основные результаты исследования

1. Узбекистан за период 2017-2023 гг. осуществил масштабную цифровую трансформацию государственного управления, поднявшись в рейтинге ООН по индексу развития электронного правительства с 81-87 места до 63 места и войдя в десятку стран с наибольшим прогрессом.

2. Создана институциональная и правовая архитектура электронного правительства, включающая Единый портал государственных услуг (260+ электронных услуг), систему OneID (5+ млн пользователей), платформу межведомственного взаимодействия (120+ интегрированных систем) и портал открытых данных (1200+ наборов данных).

3. Внедрение систем электронного взаимодействия (G2C, G2B, G2G) трансформировало модель коммуникации "государство – общество" в направлении большей открытости, прозрачности и обратной связи, сократив транзакционные издержки на 35-40% и повысив удовлетворенность граждан качеством госуслуг с 52% до 73%.

4. Созданы новые каналы общественного участия и контроля: электронные обращения (83,8 тыс. в 2023), общественное обсуждение проектов НПА (3700+ проектов, 17000+ комментариев, 23% учтены), открытые данные для гражданского мониторинга.

5. Выявлены структурные барьеры эффективной коммуникации: цифровое неравенство (охват интернетом 94% в столице vs 52% в отдаленных районах), недостаточная медиаграмотность (52% распространяют непроверенную информа-

цию), институциональная слабость сегментов гражданского общества.

5.2. Теоретический вклад

Исследование конкретизирует применение концепций публичной сферы (Ю. Хабермас), сетевого общества (М. Кастельс) и системной теории коммуникации (Н. Луман) к анализу цифровой трансформации в условиях постсоветского транзитного общества. Показано, что информационные коммуникации не просто техническое средство, но конституирующий элемент гражданского общества, создающий пространство рациональной дискуссии и механизмы подотчетности власти.

5.3. Практические рекомендации

1. Преодоление цифрового неравенства: расширение охвата широкополосным интернетом до 90% населения к 2030 г., развитие региональных ИКТ-кластеров, субсидирование доступа для малообеспеченных семей.

2. Повышение медиаграмотности: интеграция медиа- и информационной грамотности в образовательные стандарты всех уровней, создание Национального центра медиаобразования, программы повышения квалификации госслужащих.

3. Углубление открытости данных: расширение платформы data.gov.uz, стандартизация форматов открытых данных, публикация детализированных данных о бюджетных расходах и госзакупках.

4. Цифровизация гражданского общества: грантовая поддержка НПО в освоении цифровых инструментов, интеграция общественных организаций в системы электронного взаимодействия, развитие платформ краудсорсинга и электронного волонтерства.

5. Развитие электронной демократии: пилотные проекты электронного референдума на локальном уровне, расширение практики партиципаторного бюджетирования, создание платформ общественной инициативы.

6. Укрепление гарантий свободы информации: совершенствование законодательства об открытых данных, защита журналистов и блогеров, развитие расследовательской журналистики.

7. Мониторинг и оценка: внедрение системы регулярного измерения цифровой и медиаграмотности населения, мониторинг эффективности электронного взаимодействия, оценка влияния открытых данных на общественный контроль.

5.4. Перспективы исследований

Настоящее исследование открывает ряд направлений для последующего научного анализа: долгосрочные эффекты цифровизации на политическую культуру и гражданское участие, сравнительный анализ моделей электронного правительства в Центральной Азии, изучение практик использования открытых данных гражданским обществом, анализ влияния алгоритмической курации контента на политическую коммуникацию, исследование цифровых стратегий политических акторов.

Реализация предложенных рекомендаций позволит Узбекистану не только сохранить темпы цифровой трансформации, но и обеспечить её социальную инклюзивность, создав основу для зрелой публичной сферы, в которой диалог общества и государства приобретает содержательный, взаимно ответственный и демократический характер.

References

Almond, G. A., & Verba, S. (1963). *The civic culture: Political attitudes and democracy in five nations*. Princeton: Princeton University Press.

Bell, D. (1973). *The coming of post-industrial society: A venture in social forecasting*. New York: Basic Books.

Castells, M. (2007). *Communication, power and counter-power in the network society*. *International Journal of Communication*, 1, 238-266.

Castells, M. (2009). *Communication power*. Oxford: Oxford University Press.

Deutsch, K. W. (1963). *The nerves of government: Models of political communication and control*. New York: Free Press.

Dunleavy, P., Margetts, H., Bastow, S., & Tinkler, J. (2006). *Digital era governance: IT corporations, the state, and e-government*. Oxford: Oxford University Press.

Fountain, J. E. (2001). *Building the virtual state: Information technology and institutional change*. Washington, DC: Brookings Institution Press.

Freedom House. (2023). *Freedom in the world 2023: Uzbekistan*. Washington, DC: Freedom House.

Habermas, J. (1989). *The structural transformation of the public sphere*. Cambridge: MIT Press.

Internews-1. (2023). *Media consumption and media literacy in Uzbekistan: Survey results*. Tashkent: Internews Network.

Internews-2. (2023). *Media literacy assessment in Uzbekistan*. Tashkent: Internews Network.

Kupiainen, R., Sintonen, S., & Suoranta, J. (2008). *Decades of Finnish media education*. In *Literacies, digital media and participatory cultures*. Helsinki: Finnish Society on Media Education.

Lewandowsky, S., Ecker, U. K. H., & Cook, J. (2017). *Beyond misinformation: Understanding and coping with the "post-truth" era*. *Journal of Applied Research in Memory and Cognition*, 6(4), 353-369.

Luhmann, N. (1995). *Social systems*. Stanford: Stanford University Press.

Machlup, F. (1962). *The production and distribution of knowledge in the United States*. Princeton: Princeton University Press.

Masuda, Y. (1981). *The information society as post-industrial society*. Tokyo: Institute for the Information Society.

Mergel, I., Edelmann, N., & Haug, N. (2019). *Defining digital transformation: Results from expert interviews*. *Government Information Quarterly*, 36(4), 101385.

Norris, P. (2001). *Digital divide: Civic engagement, information poverty, and the Internet worldwide*. Cambridge: Cambridge University Press.

O'Donnell, G., & Schmitter, P. C. (1986). *Transitions from authoritarian rule: Tentative conclusions about uncertain democracies*. Baltimore: Johns Hopkins University Press.

Osborne, D., & Gaebler, T. (1992). *Reinventing government: How the entrepreneurial spirit is transforming the public sector*. Reading, MA: Addison-Wesley.

Sparks, C. (2008). *After transition: The media in Poland, Russia and China*. In K. Jakubowicz & M. Sükösd (Eds.), *Finding the right place on the map: Central and Eastern European media change in a global perspective* (pp. 43-79). Bristol: Intellect.

UNESCO. (2021). *Media and information literacy: Policy and strategy guidelines*. Paris: UNESCO Publishing.

United Nations. (2022). *E-government survey 2022: The future of digital government*. New York: United Nations Department of Economic and Social Affairs.

United Nations. (2023). *E-government survey 2023: The future of digital government*. New York: United Nations Department of Economic and Social Affairs.

United Nations. (2023). *E-government development index by country*. New York: United Nations Department of Economic and Social Affairs.

Van Dijk, J. A. G. M. (2005). *The deepening divide: Inequality in the information society*. Thousand Oaks, CA: Sage Publications.

Warschauer, M. (2003). *Technology and social inclusion: Rethinking the digital divide*. Cambridge, MA: MIT Press.

Webster, F. (2014). *Theories of the information society* (4th ed.). London: Routledge.

West, D. M. (2005). *Digital government: Technology and public sector performance*. Princeton: Princeton University Press.

World Bank. (2022). *Digital Central Asia: Country diagnostics for Uzbekistan*. Washington, DC: World Bank Group.

World Bank. (2020). *Doing Business 2020*. Washington, DC: World Bank Group.

World Bank. (2023). *Uzbekistan digital government readiness assessment*. Washington, DC: World Bank Group.

Yu, H., & Robinson, D. G. (2012). *The new ambiguity of "open government"*. *UCLA Law Review Discourse*, 59, 178-208.

Агентство по печати и информации. (2022). *О создании Национального центра мониторинга социальных медиа*. <https://press.uz>

Агентство по развитию информационных технологий. (2023). *Отчет о цифровизации государственных услуг за 2017-2023 годы*. Ташкент.

Агентство по печати и информации Республики Узбекистан. (2023). *Ежегодный отчет о состоянии и развитии медиасферы Узбекистана*. Ташкент.

Агентство по развитию информационных технологий. (2023). *О деятельности Агентства*. <https://it.gov.uz>

Агентство по развитию информационных технологий. (2023). Статистика интеграции государственных органов в единую систему электронного правительства. Ташкент.

Агентство по развитию информационных технологий. (2023). Платформа межведомственного взаимодействия: статистика и результаты. Ташкент.

Агентство по печати и информации. (2023). Аналитика использования платформы открытых данных. Ташкент.

Всемирный банк. (2023). Оценка эффективности цифровизации государственных услуг в Узбекистане. Ташкент: World Bank Group.

Гельман, В. Я. (2003). Постсоветские политические трансформации: наброски к теории. *Общественные науки и современность*, 1, 61-75.

Государственный комитет Республики Узбекистан по статистике. (2023). Обследование бюджетов домашних хозяйств: доступ к ИКТ. Ташкент.

Государственный таможенный комитет Республики Узбекистан. (2023). Результаты внедрения системы "Рақамли божхона". Ташкент.

Единый портал интерактивных государственных услуг. (2023). Статистика предоставления электронных услуг. <https://my.gov.uz/ru/statistika>

Закон Республики Узбекистан. (2003, 11 декабря). Об информатизации (№ 560-II, редакция 2019). <https://lex.uz/docs/91008>

Закон Республики Узбекистан. (2021, 2 июля). Об открытых данных (№ 660-VII). <https://lex.uz/docs/5495839>

Институт изучения общественного мнения «Ижтимоий фикр». (2023). Исследование использования электронных государственных услуг населением Узбекистана. Ташкент.

Институт изучения общественного мнения «Ижтимоий фикр». (2023). Динамика удовлетворенности граждан качеством государственных услуг (2017-2023). Ташкент.

Институт изучения общественного мнения «Ижтимоий фикр». (2023). Демографический профиль пользователей электронных государственных услуг. Ташкент.

Киргизбаев, М. (2007). Массмедиа и демократизация общества (на примере Узбекистана). Автореферат докторской диссертации. Ташкент: Национальный университет Узбекистана.

Киргизбаев, М. (2007). Массмедиа и демократизация общества (на примере Узбекистана). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора политических наук. Ташкент: Национальный университет Узбекистана.

Конституция Республики Узбекистан. (2023, 30 апреля). Новая редакция, принятая на референдуме. <https://lex.uz/docs/6286098>

Луман, Н. (2004). Общество как социальная система. Москва: Логос.

Министерство по развитию информационных технологий и коммуникаций Республики Узбекистан. (2023). Основные направления деятельности. <https://mits.uz>

Министерство юстиции Республики Узбекистан. (2023). Отчет о результатах общественного обсуждения проектов нормативно-правовых актов (2017-2023). Ташкент.

Министерство юстиции Республики Узбекистан. (2023). Статистика электронной регистрации юридических лиц. Ташкент.

Министерство по развитию информационных технологий и коммуникаций. (2023). Статистика развития телекоммуникационной инфраструктуры по регионам. Ташкент.

Мирзиёев, Ш. М. (2017). Критический анализ, жесткая дисциплина и персональная ответственность должны стать повседневной нормой в деятельности каждого руководителя. Ташкент: Узбекистан.

Национальное агентство проектного управления при Президенте Республики Узбекистан. (2023). Портфель проектов цифровизации. <https://pmda.uz>

Платформа открытых данных Республики Узбекистан. (2023). Статистика публикации открытых данных. <https://data.gov.uz>

Платформа открытых данных. (2023). Каталог наборов открытых данных. <https://data.gov.uz/ru/datasets>

Портал обсуждения проектов нормативно-правовых актов. (2023). Статистика общественных обсуждений. <https://regulation.gov.uz>

ПРООН в Узбекистане. (2023). Опрос о доверии граждан государственным институтам и электронным услугам. Ташкент: UNDP.

Постановление Кабинета Министров Республики Узбекистан. (2022, 27 июня). О комплексных мерах по реализации национальной информационно-коммуникационной системы на 2022-2023 годы (№357). <https://lex.uz/docs/6069577>

Постановление Президента Республики Узбекистан. (2020, 17 апреля). Концепция развития системы "Электронное правительство" в Республике Узбекистан на 2021-2025 годы (ПП-4677). <https://lex.uz/docs/4785470>

Постановление Президента Республики Узбекистан. (2023, 12 сентября). О дополнительных мерах по ускоренному развитию цифровой экономики (ПП-294). <https://lex.uz/docs/6590324>

Постановление Президента Республики Узбекистан. (2020, 17 апреля). О мерах по дальнейшему совершенствованию системы информационного обеспечения деятельности органов государственной власти и управления (ПП-4677). <https://lex.uz/docs/4785470>

Пресс-служба Президента Республики Узбекистан. (2024, 15 января). Итоги развития электронного правительства в 2023 году. <https://president.uz/ru/lists/view/7451>

Результаты контент-анализа публикаций узбекистанских СМИ (2017-2023). Собственные данные исследования.

Узбектелеком, АО. (2023). Отчет о развитии оптоволоконной сети. Ташкент.

Указ Президента Республики Узбекистан. (2017, 7 февраля). О Стратегии действий по пяти приоритетным направлениям развития Республики Узбекистан в 2017-2021 годах (УП-4947). <https://lex.uz/docs/3107036>

Указ Президента Республики Узбекистан. (2022, 28 января). Стратегия развития Нового Узбекистана на 2022-2026 годы (УП-60). <https://lex.uz/docs/5841063>

Указ Президента Республики Узбекистан. (2020-1, 5 октября). Стратегия "Цифровой Узбекистан – 2030" (УП-6079). <https://lex.uz/docs/5031048>

Указ Президента Республики Узбекистан. (2012, 21 марта). О мерах по дальнейшему внедрению и развитию современных информационно-коммуникационных технологий (УП-4394). <https://lex.uz/docs/1961116>

Указ Президента Республики Узбекистан. (2020-2, 28 апреля). О мерах по коренному совершенствованию системы государственного управления в информационной сфере (УП-6017). <https://lex.uz/docs/4800657>

Указ Президента Республики Узбекистан. (2017, 7 февраля). О Стратегии действий по дальнейшему развитию Республики Узбекистан (УП-4947). <https://lex.uz/docs/3107036>

Управление по работе с обращениями граждан и юридических лиц Администрации Президента Республики Узбекистан. (2024). Статистика обращений граждан за 2023 год. Ташкент.

Федоров, А. В. (2007). Развитие медиакомпетентности и критического мышления студентов педагогического вуза. Москва: МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех».

Хабермас, Ю. (2016). Структурная трансформация публичной сферы. Москва: Весь Мир. (Оригинальная работа опубликована в 1962)

Центральный банк Республики Узбекистан. (2023). Статистика электронных платежей через государственные системы. Ташкент.

Центр развития электронного правительства. (2023). Отчет о внедрении системы OneID. Ташкент.

Жўраев, Р. (2007). Фуқаролик жамияти ва давлат демократлаштириш йўлида. Тошкент: Шарқ.

Ҳимоя, Ш. (2024). *Axborot jamiyati sharoitida fuqarolik jamiyati institutlarining rivojlanishi* [Развитие институтов гражданского общества в условиях информационного общества]. Докторская диссертация. Ташкент: Национальный университет Узбекистана.

Ҳимоя, Ш. (2024). Фуқаролик жамияти институтларининг ахборот коммуникацияларидаги ўрни. *Ўзбекистон миллий университети илмий ахборотномаси*, 3(2), 45-58.

Об авторе:

Кудратходжа Шерзодхон Таджиддинович — доктор филологических наук, профессор, ректор Университета журналистики и массовых коммуникаций Узбекистана, sherzodxon.qudratxoja@jmcu.uz

INFORMATION COMMUNICATIONS IN THE DIALOGUE
BETWEEN SOCIETY AND THE STATE: UZBEKISTAN'S
EXPERIENCE OF DIGITAL TRANSFORMATION

Abstract: The article examines the role of information communications in shaping the dialogue between society and the state in the context of digital transformation in the Republic of Uzbekistan. It analyzes the development of e-government systems, media infrastructure, and feedback mechanisms during 2017-2023. The empirical basis includes legislation, statistical data on e-government development, content analysis of government portals, and secondary analysis of sociological research. The study demonstrates that implementation of electronic interaction systems (G2C, G2B, G2G), development of the Unified Portal of Interactive Public Services, and open data platforms transform the "state-society" communication model toward greater openness, transparency, and citizen participation. Structural constraints are identified: digital divide between capital and regions, insufficient media literacy, institutional weaknesses of civil society segments. The article concludes that effectiveness of "society-state" dialogue depends

on synchronous development of legal frameworks, ICT infrastructure, and political communication culture.

Keywords: information communications, e-government, civil society, political communication, digitalization, Uzbekistan, public sphere, open data

About the author:

Kudratkhodja Sherzodkhon Tajiddinovich — Doctor of Philological Sciences, Professor, Rector of the University of Journalism and Mass Communications of Uzbekistan, sherzodxon.qudratxoja@jmcu

JAMIYAT VA DAVLAT MULOQOTIDAGI AXBOROT
KOMMUNIKATSIYALARI: O'ZBEKISTONNING RAQAMLI
TRANSFORMATSIYA TAJRIBASI

Annotatsiya: Maqolada O'zbekiston Respublikasida raqamli transformatsiya sharoitida jamiyat va davlat o'rtasidagi muloqotni shakllantirishda axborot kommunikatsiyalarining o'rni ko'rib chiqilgan. Unda 2017–2023-yillarda elektron hukumat tizimlari, media infratuzilmasi va qayta aloqa mexanizmlarining rivojlanishi tahlil qilingan. Empirik asosga qonunchilik, elektron hukumatni rivojlantirish bo'yicha statistik ma'lumotlar, davlat portallarining kontent tahlili va sotsiologik tadqiqotlarning ikkilamchi tahlili kiradi. Tadqiqot shuni ko'rsatadiki, elektron o'zaro ta'sir tizimlarini (G2C, G2B, G2G) joriy etish, Yagona interaktiv davlat xizmatlari portali va ochiq ma'lumotlar platformalarini rivojlantirish "davlat-jamiyat" muloqot modelini yanada ochiqlik, shaffoflik va fuqarolar ishtirokiga aylantiradi. Strukturaviy cheklovlar – poytaxt va hududlar o'rtasidagi raqamli bo'linish, media savodxonligining yetarli emasligi, fuqarolik jamiyati segmentlarining institutsional zaifliklari aniqlangan. Maqolada "jamiyat-davlat" muloqotining samaradorligi huquqiy asoslar, AKT infratuzilmasi va siyosiy muloqot madaniyatining sinxron rivojlanishiga bog'liqligi haqida xulosa qilingan.

Kalit so'zlar: axborot kommunikatsiyalari, elektron hukumat, fuqarolik jamiyati, siyosiy kommunikatsiya, raqamlashtirish, O'zbekiston, jamoatchilik sohasi, ochiq ma'lumotlar.

Muallif haqida:

Qudratxo'ja Sherzodxon Tojiddinovich — filologiya fanlari doktori, professor, O'zbekiston Jurnalistika va ommaviy kommunikatsiyalar universiteti rektori, sherzodxon.qudratxoja@jmcu.uz